

ПОЛЕВАЯ МОДЕЛЬ СОЧЕТАЕМОСТИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

Розглянуто можливості використання семантичної моделі лексико-семантичного поля партитивної лексики під час вивчення російської мови як іноземної.

Ключові слова: лексико-семантичне поле, партитивна лексика, лексична сполучуваність.

Рассмотрены возможности использования семантической модели лексико-семантического поля партитивной лексики при изучении русского языка как иностранного.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, партитивная лексика, лексическая сочетаемость.

The article discusses the possibilities of using semantic model of the lexical-semantic field of the partitive lexis in teaching Russian as a foreign language.

Keywords: lexical-semantic field, partitive lexis, lexical collocations.

Постановка проблеми и её связь с практическими заданиями. Исследование системы языка на основе полевой модели является достаточно оформившимся направлением современной лингвистики. Внедрение полевого анализа в практику преподавания иностранных языков представляется весьма эффективным, особенно на продвинутом этапе обучения. В противоположность традиционному тематическому принципу полевое описание лексики, соответствующее внутренней организации структуры памяти человека, способно адекватно отразить членение в языке объективной действительности.

Ядерные элементы как наиболее частотные и информативные единицы языка обеспечивают разграничение лексико-семантических полей в системе данного языка и служат опорой установления эквивалентности разных систем. Так, центром ядра лексико-семантического поля «Часть целого» в русском языке выступает семема *часть*, в белорусском языке – *частка*, украинском – *частина*, чешском – *část*, польском – *część*, болгарском – *част*.

Распределение лексики по зонам периферии, основанное на частотности употребления и количестве периферизирующих сем, может дать объективную картину об основном фонде лексики неродного языка. Лексические единицы, имеющие большую частотность и меньшее количество периферизирующих сем, находятся ближе к ядру. Они входят в основной фонд лексики при освоении русского языка как иностранного. Зону ближней периферии составляет, как правило, круг обязательно вводимых в обучение слов (например, *кусок, осколок, обломок, огарок, окурок, лопать, лоскут* и др. – части твёрдого вещества; *брызги, глоток, капля* – части жидкого вещества; *выписка, отрывок, цитата* – части произведения искусства и т. д.).

Разумеется, круг вводимых в обучение слов не может быть одинаков для филологов и нефилологов. Перед студентами-филологами на первый план выдвигается задача лингвостилистического анализа художественного текста, поэтому

их лексический запас должен быть шире и разнообразнее, включая и периферийные явления языка (просторечные элементы, устаревшую лексику, народнопоэтические выражения и проч.). Для студентов-нефилологов выбор и правильное употребление слова будет зависеть от того, насколько точно понимается его значение. Так, например, студентам-иностранцам, которые обучаются на первом курсе Украинской медицинской стоматологической академии (г. Полтава), было предложено распределить слова на карточках по двум группам:

группа 1: слова, обозначающие «часть целого»;

группа 2: слова, обозначающие «целое» (предмет, вещество).

Данное задание иностранные студенты выполняли после предварительной беседы, в ходе которой преподаватель ввёл незнакомую лексику и с помощью иллюстративного материала разъяснил её значение. Практически все информанты (выходцы из стран Азии и Африки) справились с заданием правильно (90 %), что свидетельствует о том, что отграничение группы слов со значением «часть целого» осознаётся мотивированно:

группа 1: *кусок, осколок, обломок, обрывок, обрубок, огарок, лоскут, окурок, ломоть;*

группа 2: *зеркало, стул, бумага, сигарета, самолёт, хлеб, ткань, свеча.*

Целевая установка. Целью статьи является рассмотрение возможности использования семантической модели лексико-семантического поля партитивной лексики при изучении русского языка как иностранного.

Изложение основного материала. Отношения «часть – целое» охватывают объекты всех уровней сложности, организуя их в разнообразные многоступенчатые иерархии частей – целых, элементов – систем (структур). Представляется целесообразным за основу терминологических обозначений взять серию предложенных М. В. Никитиным наименований [5], но в несколько трансформированном виде согласно нашим представлениям об объёме данных понятий. Так, общее обозначение отношения «часть – целое» может аккумулироваться в терминах партонимия, партонимические отношения, обозначение понятия и имени части целого – в термине партоним (от лат. *pars, partis f* – часть; *partitio, onis f* – деление, расчленение; *partitus, a, um* – разделённый). В зависимости от свойства части по отношению к целому партоним имеет три разновидности: партином, партитив (сильные партонимы); конгломератив (слабый партоним).

Основное семантическое различие данных наименований состоит в том, что если у партинома и партитива сема принадлежности денотата как части к некоторому целому входит в ядро (интенционал) значения, то конгломератив содержит аналогичную сему в периферии (импликационале) значения. Таким образом, к партиномам и партитивам относятся все имена, определяемые через общее понятие части; к конгломеративам относятся все имена со свободной структурой, такой, что зависимости частей от целого не столь жестки, чтобы формировать качество обозначаемых вещей и быть условием их существования.

Объектом нашего исследования является именно партитивная лексика, которая объединена комплексом языковых характеристик, свидетельствующих о её системной организации. Данная система включает круг субстантивных номинаций (232 ед.), идентификация которых осуществляется через идентификатор часть целого в значении «отделённый или оставшийся в результате отделения от целого фрагмент, характеризующийся относительной самостоятельностью, незаконченностью и отсутствием собственной номинации до отделения». Совокупность сем, определяющих данное значение, продуцируется в инвариантном компоненте 'партитивность', являющемся архисемой лексико-семантического поля партитивной лексики.

Анализ исследований по теории лексико-семантических группировок [6] позволяет выделить сумму основных признаков, мотивирующих определение конкретной микросистемы как ЛСП:

1) представляет собой инвентарь элементов, имеющих семантическую общность, связанных между собой структурными отношениями, выполняющих в языке единую функцию;

2) способно члениться на ядро и периферию, имеет в своём составе определённое число микрогрупп;

3) характеризуется иерархической организацией составляющих его элементов;

4) имеет нечёткие, размытые границы между ядром и периферией, отдельными зонами периферии, различными микрогруппами;

5) осуществляет взаимодействие с другими ЛСП.

Лексико-семантическое поле партитивной лексики является образцовой полевой структурой, которую можно эксплицировать в виде семантической модели, укладывающейся в рамки полевой концепции языка [1; 2]. Ранжирование лексических единиц отражает представление о данном лексико-семантическом поле как иерархической структуре, для которой характерны пространственная ориентация, соподчинённость уровней иерархии и повышение степени абстракции значений при восхождении к вершине поля. Психолингвистические эксперименты, которые проводились на подготовительном отделении УМСА, подтвердили правильность такого построения [3, с. 55–56].

Системный характер единиц, относящихся к лексико-семантическому полю партитивной лексики, проявляется также в однотипности их синтагматических характеристик, что позволяет установить полевую модель сочетаемости. Для конститuentов данного поля сильными морфологическими позициями, создающими возможности для реализации категориальной семы, являются три инвариантные конструкции: «Партитив + Сущ.(род.)» (например, *доза лекарства*), «Прил. + Партитив» (например, *брызнувшие капли*), «Глаг. + Партитив» (например, *разрывать на полосы*).

В целом партитивное значение является контекстно обусловленным, что проявляется в действии морфологического и лексического факторов – сочетании партитива с существительным в форме родительного падежа, выражающим в качестве несогласованного определения значение целого по отношению к части; сочетании партитива с прилагательным, реализующим значение субстанциональной или прототипной принадлежности объекта-части и значение признака по какому-либо качеству объекта-части; сочетании партитива с глаголом, обозначающим способ воздействия на целое, результатом чего выступает часть – референт данного партитива. Характеристика партитивной лексики с точки зрения синтаксического фактора не представляется системно значимой, так как партитивное значение не обусловлено синтаксической функцией.

Главной, системообразующей, партитивной позицией является позиция «Партитив + Сущ. (род.)». Примерами такого типа сочетаний являются: *срезы тромбоцитов, кусочки протоплазмы, проба крови, полоски ткани* и т. п. (Контекст: *Ультратонкие срезы тромбоцитов человека после их контакта с вирусом гриппа поместили под электронный микроскоп. Из каждой раны вырезали полоски грануляционной ткани и действовали на них фармакологическими средствами*). Большая часть элементов поля партитивной лексики может вступать в подобные грамматические сочетания (58 % всех партитивов обладают такой возможностью). Форма родительного падежа существительного, стоящего при пар-

титиве в качестве несогласованного определения, выражает здесь значение целого по отношению к части.

В морфологической позиции «Партитив + Сущ. (род.)» выделяются подгруппы лексической сочетаемости, характеризующиеся семантической общностью лексических единиц на основании материального/нематериального аспекта значения:

1) сочетание по общему семантическому признаку «монолитный» (например, *осколок стекла*);

2) сочетание по общему семантическому признаку «волоknистый» (например, *клок волос*);

3) сочетание по общему семантическому признаку «сыпучий» (например, *хлопья снега*);

4) сочетание по общему семантическому признаку «пастообразный» (например, *комоч глины*);

5) сочетание по общему семантическому признаку «жидкий» (например, *брызги воды*);

6) сочетание по общему семантическому признаку «газообразный» (например, *клубы газа*);

7) сочетание по общему семантическому признаку «остенсивный» (например, *отрывок доклада*);

8) сочетание по общему семантическому признаку «абстрактный» (например, *часть проблемы*);

9) сочетание по общему семантическому признаку «капитал» (например, *доля вклада*);

10) сочетание по общему семантическому признаку «живая материя» (например, *остатки клеток*) и т. д.

Семантическая согласованность слов, проявляющаяся в том, что слова, образующие словосочетания, имеют в своих значениях общие компоненты, – основной закон лексической синтагматики. Сочетаемость разрешается, если в сочетающихся единицах есть совпадающие семантические признаки, независимо от того, являются ли они компонентами ядерных или периферийных сем или автономными признаками [4]. Обозначенные выше подгруппы лексической сочетаемости отражают парцеллярное распределение партитивной лексики. Сочетаемость оказывается недопустимой, если в семантике одного из слов отсутствует семантический признак, присутствующий в другом слове. Например, в значении слова *хлопья* нет семы 'монолитный', что делает невозможной сочетаемость «*хлопья стекла*» (в прямом значении). Разрешаемая и недопустимая сочетаемость отражают экстралингвистические отношения денотатов, т. е. имеют предметно-отражательную основу.

Лексическая сочетаемость может иметь количественную характеристику. В одних случаях она является очень широкой, почти неисчислимой, в других – ограниченной, когда контекстные партнёры того или иного слова заданы списком. Так, универсальной сочетаемостью характеризуется центр ядра поля *часть* (*часть камня, волос, зерна, глины, воды, кислорода, музыки, жизни, денег* и т. д. – любых вещественных и невещественных объектов действительности). Довольно широкую сочетаемость имеют элементы 1, 2, 3 позиционных линий ближней периферии *кусочек, кусочек, капля, ком* (*кусочек дерева, металла, бумаги, ткани, кожи, стекла, льда, коры, хлеба* и т. д. – любого монолитного вещества; *капля воды, вина, дождя, крови, йода* и т. д. – любого жидкого вещества; *ком гряды, глины, зем-*

ли, снега, соли и т. д. – любого пастообразного или сыпучего вещества). Остальные конститuentы различных зон периферии в зависимости от своего значения обладают менее широким контекстом. Например, сочетание по одному семному конкретизатору дифференциального семантического признака ‘вещественная/невещественная субстанция’ или ‘прототип’, а также дифференциальному семантическому признаку ‘способ воздействия’ характеризуется небольшим списком контекстных партнёров. Рассмотрим сочетаемость по общему семному конкретизатору ‘принадлежность к твёрдой пище’: *ломтик лимона, хлеба, сыра* и т. д. Употребление других контекстных партнёров, не обладающих данным параметром, сделало бы эти сочетания невозможными: «ломтик дерева» – есть признак твердости, но нет принадлежности к продуктам питания; «ломтик молока» – есть признак принадлежности к пище, но пища представляет собой жидкое вещество; «ломтик халвы» – есть признак принадлежности к твердой пище, но продукт не может быть подвергнут механическому воздействию отрезанием.

Таким образом, антонимичные, или полярные, семные конкретизаторы блокируют сочетаемость слов, хотя и содержащих общий семантический признак, – данный вид регламентации сочетаемости определяется как блокирование сочетаемости [4]. Общая закономерность такова, что понижение уровня абстракции значения элементов к периферии лексико-семантического поля соответствует повышению степени специализированности партитивного контекста, выявляя обратно пропорциональную зависимость.

В этой связи студентам-иностранцам, изучающим русский язык, было бы полезно предложить следующие упражнения:

Упражнение 1. Найдите ошибки!

Ломтик сыра, ломтик молока, ломтик хлеба, ломтик халвы, ломтик какао, ломтик камня, ломтик стекла, ломтик соли, ломтик снега.

Обломок льдины, обломок бумаги, обломок стула, обломок статуи, обломок вазы, обломок вертолёта, обломок шерсти, обломок апельсина, обломок кости, обломок вина.

Упражнение 2. Игра «Кто победит?» Напишите как можно больше сочетаний по образцу.

Фрагмент (чего?) скелета, грануляционной ткани, молекулы IgE ...

Капля (чего?) спирта, синовиальной жидкости, биологического клея циакрина...

Упражнение 3. Определите структуру терминологических словосочетаний.

Фазы фагоцитоза, аминокислотный остаток, доза облучения, переменная часть антигена, переменная часть пептидной цепи антител.

(С + С р.п.), (П + С), (С + С р.п.), (П + С + С р.п.), (П + С + П + С р.п. + С р.п.)

Упражнение 4. Подберите однокоренные слова к данному слову, составьте с ними словосочетания.

Образец: *доза* – *дозное протонное поле, суммарное дозное распределение, дозовая нагрузка, дозировка преднизолона, дозированное лечение, дозировать лекарство* и т. д.

Упражнение 5. Используя материал для наблюдений, проведите сравнительный анализ выделенных конструкций.

Если проба крови пациента после осаждения белка и подкисления обладает заметным жёлто-зелёным свечением, то серотонина в крови много и вероятность поражения карциноидом велика.

Было установлено, что при смешивании двух порций крови, принадлежащей к различным группам, может наступить агглютинация эритроцитов, которая и служит причиной осложнений, наблюдаемых при переливании крови, несовместимой по группе.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Учитывая задачи нашего исследования, мы не останавливаемся здесь на других проблемах сочетаемости языковых единиц, сознавая тот факт, что понимание является не последовательным, а скачкообразным процессом и зависит также от общего содержания всего текста и информационной базы участников коммуникации. В любом случае, кроме общих языковых значений, участники акта коммуникации должны знать и применять идентичные правила сочетаний лексических единиц с этими значениями. Незнание или несоблюдение правил нередко приводит к тому, что люди, в целом хорошо владеющие языком, его словарным составом, всё же не находят требуемого взаимопонимания. Такая проблема возникает часто в связи с решением многих задач машинного перевода. В этом состоит также одна из главных трудностей досконального овладения иностранным языком: мало знать внутренние формы (в том числе правильный перевод лексических единиц с родного языка на иностранный), недостаточно знать и весь арсенал значений этих единиц, – необходимо ещё знать и «улавливать» смысл, порождаемый сочетанием языковых знаков в высказывании, который во многих языках имеет свою специфику.

Таким образом, полевой подход в описании лексики является удобным инструментом обучения языку.

Библиографические ссылки

1. **Глобина Л. В.** Принципы моделирования лексико-семантического поля партитивной лексики / Л. В. Глобина // Вісник Запорізького нац. ун-ту. Філологічні науки. – 2005. – С. 21–27.
2. **Глобина Л. В.** Проблемы полевой организации лексики в русском и немецком языкознании / Л. В. Глобина // Нова філологія : зб. наук. праць. – Запоріжжя : ЗНУ, 2005. – № 2 (22). – С. 242–248.
3. **Глобина Л.** Полевой подход при изучении русского языка как иностранного / Л. Глобина, Л. Богиня // Імідж сучасного педагога. – Полтава : «АСМІ», 2012. – № 6 (125). – С. 54–57.
4. **Голодяевская А. М.** Парадигматические классы слов и ограничения на сочетаемость лексем в русском языке / А. М. Голодяевская, И. А. Стернин // Структурно-семантические исследования русского языка : сб. статей. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1994. – С. 13–24.
5. **Никитин М. В.** Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1988. – 168 с.
6. **Полевые структуры в системе языка** / под ред. З. Д. Поповой. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1989. – 197 с.; **Новиков Л. А.** Семантическое поле / Л. А. Новиков // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1997. – С. 458–459; **Денисенко В. Н.** Семантическое поле как функция / В. Н. Денисенко // Филологические науки. – 2002. – № 4. – С. 44–52; **Кезина С. В.** Семантическое поле как система / С. В. Кезина // Филологические науки. – 2004. – № 4. – С. 79–86 и др.

Надійшла до редколегії 14.02.13